

Философские и культурологические исследования

УДК 304.2

А.В. Малинов

НА ПУТИ К ЭТНОСОФИИ

Alexey V. Malinov

TOWARDS ETHNOSOPHY

Аннотация

В статье дается обоснование новой синтетической науки – этнософии, складывающейся на стыке этнографии, социальной и культурной антропологии, философии и культурологии. Приводятся интерпретации этнософии в современной философии и этнографии, а также раскрывается содержание этой науки на примере национального сознания коренного населения Горного Алтая. Этнософия выступает разновидностью мифологического мышления, на основе которого складываются современные формы национальной и культурной идентичности.

Ключевые слова

ЭТНОСОФИЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, МИФ, АКСИОЛОГИЯ, СМЫСЛ, ОНТОЛОГИЯ, ИСКУССТВО, ДЕОНТОЛОГИЯ.

Abstract

The paper explains the rationale of the new synthetic science – ethnosophy, the emerging at the intersection of ethnography, social and cultural anthropology, philosophy, and cultural studies. The interpretation of ethnosophy in modern philosophy, ethnography, and disclosed the contents ethnosophy the example of the national consciousness of the indigenous population of the Altai Mountains. Ethnosophy advocates a kind of mythological thinking on the basis of which add up modern forms of national and cultural identity.

Keywords

ETHNOSOPHY, REGIONAL PHILOSOPHY, MYTH, AXIOLOGY, MEANING, ONTOLOGY, ART, DEONTOLOGY.

В номенклатуре современных научных дисциплин этнософии нет. И это не удивительно. Доминирующая тенденция научного развития состоит в дроблении, обособлении и фрагментизации знания. Этнософия же, напротив, появилась как наука синтетическая, да к тому же «неестественная». Это становящаяся научная дисциплина, формирующаяся на стыке этнографии, исторической и культурной антропологии, философии и культурологии. Проект этнософии был сформулирован в конце XX века, однако ее методы и предметное поле все еще остаются в стадии уточнения.

Этнософия зародилась на волне критики современной цивилизации, поэтому не случайно истоки ее надо искать в попытках переосмысления цивилизационного развития Запада и интересе к архаическим культурам, обозначившемся в начале XX века. Большинство исследований, которые можно отнести к области этнософии, проникнуты настроением недовольства настоящим, пессимистическим взглядом на происходящие события, которые оцениваются как дальнейшее «падение», деградация человечества. Неприятие современного мировоззрения усиливает (хотя и в разной сте-

пени) религиозные чувства, побуждает обратиться к религиозным учениям, толкает на путь религиозного реформаторства. Выход из «кризисного» состояния современной цивилизации последователям этнософии видится в возвращении к мифологическим истокам религии, что приводит к архаизации сознания, построению теорий, синтезирующих «древние» знания с данными современной науки.

Особенно это заметно на примере национальных форм этнософии, для которых характерен мотив утраты и нового обретения «изначального» знания. Новое здесь предстает как хорошо забытое старое, а обновление мыслится как возвращение.

Недовольство преобладающими формами современной цивилизации, прежде всего ее социально-нормативными практиками, распространяется и на оплот современной цивилизации — науку и рациональный тип мышления в целом. Усиливающаяся специализация научного знания и его все большее удаление от очевидностей обыденного сознания создают ощущение фрагментарности современной науки, неполноты того знания о мире, которое дает наука и которое необходимо компенсировать целостным мировоззрением (что традиционно относилось к функциям религии и философии) и практическим действием, творческим преобразованием мира. Этим, в частности, объясняется педагогическая линия в этнософии, стремление к догматизации ее положений. На мировоззренческом уровне потребность в целостности часто принимает форму нового пантеизма.

Профессиональные философы по-своистски свысока смотрят на построения этнософии, видя в них явные признаки дилетантизма. Все верно. Этнософские поиски надо отнести к области неофициальной, неакадемической и даже самодельной философии. Однако история философии учит, что большинство «прорывных» идей в философии были предложены именно «не профессионалами». Впрочем, профессионализм здесь вовсе не означает высокую культуру мышления и, тем более, интеллектуальную смелость. Конечно, большинство современных этнософских сочинений с философской точки зрения наивны. Но этнософия не дублирует и, тем более, не подменяет философию. Этнософию надо рассматривать не в качестве еще одной философской системы, а как необходимый

этап развития национального сознания. Этнософия имеет дело не с философскими понятиями или абстрактными сущностями, а с мифами. То, о чем пишут приверженцы этнософии, для них самих происходит на самом деле, является частью реальности.

Благодатной почвой для распространения этнософии служит и идеология антиглобализма с ее критикой общества потребления западного типа. Этнософия делает антиглобалистское мировоззрение частью национального мышления, противостоящего массовой культуре и получающего тем самым статус новой «универсалии». Можно сказать, что в этнософии реализуется тенденция перехода от попыток обоснования метафилософии к построению региональных философий.

Сам термин «этнософия» имеет уже свою историю, он существует около столетия. Считается, что впервые его употребил основоположник евразийства Н.С. Трубецкой в 1926 году в одном из писем Р.О. Якобсону. Трубецкой полагал, что различные стороны культуры не только связаны между собой, но и развиваются, так сказать, параллельно, в одном направлении. Проследить сходство в развитии различных сторон жизни и культуры, по его мысли, должна новая наука, которую он и предложил назвать этнософией. Н.С. Трубецкой писал своему адресату, что «нужна какая-то особая наука, стоящая вне литературы, политики и т. д. и занимающаяся исключительно синтетическим изучением параллелизма эволюции отдельных сторон жизни. ...Этот вопрос должна решать уже не лингвистика, а какая-то другая наука, скажем, „этнософия“...» [1, с. 98]. Однако в евразийской теории этнософия как самостоятельная дисциплина или хотя бы как термин не получила дальнейшего обоснования. Примерно в эти же годы в советской России появились концепции, так же близко подошедшие к формулированию задач и методов современной этнософии, не используя, правда, этого термина. Прежде всего, здесь надо назвать работы А.Ф. Лосева по философии мифа и Д.К. Зеленина по сибирской этнографии, в частности по сибирскому шаманизму. Одна из работ Зеленина в первоначальной редакции даже называлась «Философия сибирского шаманизма».

Термин «этнософия» встречается и в итоговом труде американского антрополога М. Херсковица «Культурная антропология» [2]. При-

мечательно, что Херсковиц приходит к нему, критикуя этно- и европоцентрическую (американо-европоцентрическую) точки зрения в социальной антропологии и науке о культуре. Каждому народу, полагал американский культуролог, присуща специфическая система ценностей, в которой закрепляются представления людей о должном и желаемом. При этом каждая культура наиболее полным образом проявляется в каком-то одном аспекте или «культурном фокусе», наиболее для нее характерном, с которым, как правило, эта культура и ассоциируется. Посредством усвоения этих желаемых ценностей происходит вхождение человека в культуру, энкультурация, позволяющая в дальнейшем не только воспроизводить эти ценности и конкретные культурные формы, но и изменять их.

В последние годы термин «этнософия» активно используется философом В.В. Ванчуговым. В монографии «Русская мысль в поисках „нового света“: „золотой век“ американской философии в контексте российского самопознания» [3], курсе «Этнософия: образы наций в русской философской мысли» и ряде статей [4, 5] он определяет этнософию как «философию народа», основу которой составляют размышления о «сущности народа». Цель подобных рассуждений состоит в определении преимуществ и недостатков народа (нации) в интеллектуальной сфере, составлении коллективного психологического портрета, выявлении роли народа во всемирной истории. Этнософия видится В.В. Ванчугу попыткой выявить «сущность народа», выделить философскую составляющую его характера. В связи с этим он употребляет выражение «этнософические портреты». Хотя этнософия в своем возможном облачении, уточняет Ванчуг, выступает как парафилософия, но иногда ее выводы могут получать более высокий статус, чем более привычные рациональные умозаключения. Здесь можно наблюдать как чистые формы работы сознания, так и образное проявление бессознательного в ситуации столкновения с иным мыслящим существом (народом, этносом). Несмотря на странность некоторых суждений философов одного народа о другом, в совокупности они все же являются ценным источником, эмпирической базой для такой формы знания, которую помимо «этнософии» можно назвать философским страноведением или философским регионоведением.

К особой области «софийных дисциплин» относит этнософию М.Н. Эпштейн, противопоставляя ее этнографии как дисциплине «логосной». Если этнография, полагает он, описывает этносы, их генезис, историю и культуру, а этнология исследует структуру их обычаев, традиций, ритуалов, то этнософия раскрывает связь всех элементов этой структуры с мистериально-сакральным центром и пафосом национальной жизни. Этнософия изучает преимущественно высокоразвитые общества, где религиозное содержание выступает в свернутом, потенциальном виде, в отличие от этнологии, нацеленной на изучение обрядовой структуры примитивных обществ, религиозное содержание которой выступает эксплицитно. Одна из задач этнософии – выявить в повседневной, мирской, бытовой, профессиональной, культурной жизни манифестацию бессознательно-сакральных структур, а также определить место каждого этноса в общей эволюции общечеловеческой культуры. К предшественникам этнософии Эпштейн относит И.Г. Гердера, О. Шпенглера, а в отечественной науке – Н.Я. Данилевского, Л.Н. Гумилева и Г.Д. Гачева [6, с. 73; 7, с. 783–785].

С рядом программных работ по этнософии выступал известный африканист В.Р. Арсеньев (1949–2010) [8–11]. Он определял этнософию как специфическое направление этнографии и других гуманитарных наук, возникшее с целью преодоления концептуального кризиса, связанного с постмодернистской фазой, характерной для современной цивилизации, потерей целостного восприятия мира, образования множества частных наук об обществе, опирающихся на эвристически исчерпавшие себя методологические приемы. Методологическим ориентиром «этнософии», на его взгляд, выступает стремление к синтезу философии как науки о методе и об общих основаниях Мира с этнографией как наукой о культуре и обществе. В.Р. Арсеньев уточнял, что этнософия – дисциплина переходного периода, периода кризиса целостного видения мира. В то же время этнософия призвана преодолеть европоцентристский взгляд на мир и вызванные им научные установки. Необходимой составляющей этнософического подхода, по мысли Арсеньева, должны стать полевые исследования конкретных национальных и региональных культур. Сам ученый в своих выводах

опирался на многолетние исследования культуры африканского народа бамбара [12, 13].

К исследованиям, написанным в русле этнософского подхода, также можно отнести книгу В.Ю. Попкова и Е.А. Тюгашева «Философия Севера» [14].

Тот факт, что этнософское сознание и поиски определенной научно-методологической альтернативы стали активно заявлять о себе в последние годы, не случайно. Социально-политические и культурные изменения, происшедшие в современном российском обществе, имеют и более значительные последствия, чем это может показаться на первый взгляд. Их следствием стало появление новых идеологических и мифологических форм национального сознания, рефлексивным проявлением которого и служит этнософия. В качестве национальной философии этнософия противостоит как традиционным формам европейского философского мышления, так и типу сознания, диктуемому массовой культурой. Она ищет опору в исторических корнях народа, традиционных формах религиозного мировоззрения и реконструкции архаического мироздания, в эзотерических практиках и т. п. Анализ этих явлений с политологической и даже этнографической точек зрения не дает понимания всей полноты и сложности картины происходящих изменений, поскольку явление это значительно шире его возможного политического и этнографического контекстов. Рельефнее всего и доступнее для анализа этнософская картина раскрывается там, где существуют попытки выразить ее в виде той или иной национальной философии.

В качестве выражения основной идеи этнософии может служить принцип: «Все есть смысл». Этнософский взгляд актуализирует смысловую основу мира, выстраивая иерархическую топографию смыслов, воспроизводит архаические и мифологические модели смыслообразования, противостоя тем самым обесмысливающей машинерии современной цивилизации. То, что имеет для человека смысл, его смысложизненные интересы, способы наделения смыслом могут быть определенным образом упорядочены, рассмотрены как серии смыслостроительных локусов. Иерархия выстраивается в зависимости от того, какой уровень смысла признается приоритетным.

Его выбор и определяет содержание и структуру мировоззрения, которому соответствуют и определенный тип мышления, и восприятие внешнего мира, и действие. Такая смысловая система, включающая тип мышления, восприятие внешнего мира и действие, и составляет этнософию. Возникает она не вдруг, не в результате индивидуального усилия или субъективного решения, а как итог длительного взаимообуславливающего развития природных, антропологических, социально-исторических, интеллектуальных процессов. Этнософия – это последовательная и согласованная в своих основных частях иерархия смысловых определенностей, не обязательно выраженных в дискурсивной форме.

Структуру и содержание этнософии удобнее анализировать на примере каких-либо конкретных форм мифологического сознания и правосознания, художественного мышления, этноэкологических практик и попыток философского осмысления своего прошлого и настоящего и т. п. Одним из таких примеров может служить система этнософских представлений населения Горного Алтая, включающих в себя традиционные модели мифологического мировоззрения, современные формы правосознания как коренного, так и русского населения региона, пытающихся посредством исторической, а часто и откровенно мифологизированной аргументации отстаивать свои права, зарождение новых форм культурной и национальной идентичности, попытки возрождения или имитации эпической и шаманской традиций, художественную аксиологию в современном искусстве Горного Алтая, этноэкологические практики, реанимацию идеологии сибирского областничества, формирование новых сакральных и культовых мест, попытки формулирования «алтайской философии».

Горный Алтай удобен для исследования не случайно. Уникальность Алтая связана со спецификой происходящих там процессов. С одной стороны, удаленность территории и населения от крупных культурных и политических центров позволяет рассматривать процессы, происходящие на мировоззренческом уровне, в качестве автогенных. С другой стороны, все решительнее заявляющий о себе новый, находящийся на подъеме этнос – алтайцы – ищет формы проявления своего национального

сознания, настаивает на своих исторических правах на богатое историческое и культурное наследие региона. Болезненность этого процесса и крайние формы его проявления очевидны. Но ситуация усложняется мультикультурностью и полиэтничностью самого региона, где сочетаются и взаимодействуют общероссийская (уходящая корнями в советское прошлое) и славянская культуры, тюркская культура, старообрядческая и массовая культуры. Многообразие этнических автохтонных и аборигенных групп (алтай-кижи, кумандинцы, челканцы, тубалары, телеуты, теленгиты, русское старожильческое население, казахи Чуйской степи), а также значительная доля метисированного населения дополняется многочисленными диаспорами. Столкновение мировых религий (христианство, буддизм, ислам) и их локальных проявлений (старообрядчество, бурханизм) происходит на фоне возрождающегося шаманизма и распространения пестрого набора различных сект. Национально-религиозно-культурный синкретизм вместе с особенностями «месторазвития» создают благодатную почву не только для нового этногенеза, но и культурогенеза. Широкое распространение получают не скрывающие своих философских претензий ноосферное мышление, рериховианство, различные эзотерически ориентированные контактерские практики.

На этом фоне заявила о себе и алтайская философия [15]. К активным разработчикам последней можно отнести археолога и культуролога А.С. Суразакова, историков и этнографов В.А. Муйтуеву, В.А. Клешева, В.П. Ойношева, знатока алтайских древностей и музейного работника Н.А. Шодоева, публицистов Б.Я. Бедюрова и И.С. Тенгерекоева, актера и режиссера А.В. Юданова, общественных деятелей С. Кыныева и Д.И. Мамыева и др. Жанровый разброс этнософских сочинений достаточно широк: от серьезных научных исследований, включающих и вполне определенную этнософски окрашенную идеологию (В.А. Муйтуева, В.А. Клешев, В.П. Ойношев, А.С. Суразаков), до публицистики (А.С. Суразаков, Б.Я. Бедюров) и фолк-истори (Н.А. Шодоев, И.С. Тенгерекоев). Их работы направлены на реконструкцию традиционной религиозной и мифологической картины мира алтайцев (В.А. Муйтуева, В.А. Клешев, В.П. Ойношев), формулирование «философии

Горного Алтая», «регионального менталитета», «философии муниципального уровня», «народной философии» (выражения А.С. Суразакова), изложение основ «алтайского билика» (народной мудрости) (Н.А. Шодоев). Предметом этнософского анализа могут служить такие «природно-мировоззренческие объекты» Горного Алтая, как гора Белуха и река Катунь. Как «равноправные живые субъекты» осознаются и люди, и животные, и растения, и аржаны (целебные источники), и горы, имеющие своих духов-хозяев. Признание духов-хозяев служит психологическим регулятором поведения человека. Для этнософии характерно стремление выразить смысловые константы алтайской культуры и мировоззрения населения Горного Алтая. При этом культура и мировоззрение понимаются не в узконациональном значении кан-каракольской этнической общности, а включают наследие других исторических эпох и этнических культур, связанных с Горным Алтаем (начиная с эпохи скифов или даже населения, оставившего многочисленные петроглифы в горах Алтая). Опираясь на конкретный историко-культурный материал, этнософия пытается реконструировать иерархию жизнестроительных смыслов, не всегда дискурсивно определенных, но обязательно выраженных в мифологической ли форме, практическом ли действии или нормативно-ценностных системах. Артикулированные, выявленные в результате этнософского исследования смыслы обнаруживают свой универсальный характер, достигающий уровня философских обобщений.

Другой источник алтайской этнософии – современное искусство. Исторической особенностью культуры Горного Алтая, по крайней мере в последнее столетие, является приоритет изобразительного искусства над иными формами творческой деятельности. Начиная с первого профессионального алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина (1870–1937), именно изобразительное искусство задавало новые смысловые импульсы местной культуре. Фигура Г.И. Чорос-Гуркина для национального сознания современных алтайцев имеет особое мифологическое и символическое значение. В последние годы в Республике Алтай сформировался своеобразный государственный культ этого художника. В столице республики рядом со зданием курултая (парламента) ему открыт памятник, воссоздана мастерская художника в селе Анос. Особое

значение придается политической деятельности Г.И. Чорос-Гуркина, стоявшего у истоков нынешней алтайской государственности. Парадоксальность современной ситуации состоит в том, что художник в 1937 году был репрессирован, как считалось, за отрицательное отношение к советской власти. Нынешнее же почитание его возглавляют оставшиеся у власти представители советской партийно-комсомольской номенклатуры. Г.И. Чорос-Гуркин принадлежал к первому поколению национальной интеллигенции на Алтае, сформировавшейся в миссионерских школах и воспринявшей национальную программу сибирских областников [16, 17]. В строгом смысле Г.И. Чорос-Гуркин не был этническим алтайцем (алтай-кижи). Телеут по отцу и кумандинец по матери, он принадлежал к этнической группе, которую сейчас называют северными алтайцами (они отличаются по языку и антропологически от южных алтайцев). Однако наследие художника оказалось однозначно «приватизировано» именно титульной нацией. Конечно, изобразительное искусство дает образное, а не понятийное осмысление национальной культуры, но, пользуясь другими выразительными средствами, раскрывает ту же смысловую основу мировоззрения и культуры жителей Горного Алтая, которую философия пытается изъяснить в категориях. В лучших своих творениях алтайское изобразительное искусство достигает такого же эффекта эйдетического видения, как и философское размышление. Так, например, пантеистическим мироощущением проникнуты предсмертные полотна В.Д. Запрудаева. Целая онтолого-аксиологически-семантическая система представлена в символично-мифологическом направлении С.В. Дыкова, В. Хромова и тяготеющего к декоративизму В.Г. Тебекова. Замечательная галерея национальных образов воссоздана в портретах В.С. Торбокова, отмеченных не только высоким художественным мастерством, но и тонким знанием национальной психологии. В жанре требующей расшифровки медитативной живописи создает картины-видения, картины-наития Е.М. Чеботарева. Настоящая эпически повествовательная манера развернута в графических сказах Н.А. Чепокова. Оригинальная мировоззренческая традиция, лишь отчасти восходящая к местной культуре, воссоздается в творчестве А.А. Дмитриева и Л.В. Софронова. Современное алтайское изобразительное искусство позволяет

реконструировать художественную аксиологию национального сознания. В то же время оно не столько отражает, сколько задает, конструирует образы, визуализирует ценности, которые затем уже приписываются местной культуре.

Однако помимо мировоззренческого или даже философского измерения, этнософский анализ имеет и вполне практическое значение. Он позволяет по-новому оценить как степень защиты прав коренных народов, в том числе и малочисленных, так и политико-правовые конфликты, связанные с полемикой о возвращении так называемой «укокской принцессы», запретами для новосибирских и барнаульских археологов на раскопки на территории Республики Алтай, спорами о строительстве газопровода для подачи газа в Китай, созывами курултаев, выборами эл-баши, возрождением института зайсанатства и т. п. Специальной оценки требует региональное правотворчество, устанавливающее запреты, регулирующее функционирование «сакральных мест» и т. п. Понятийная неопределенность при явном культурном запросе на юридическое оформление определенных мировоззренческих установок требует согласования двух типов мышления, сталкивающихся здесь: формально-юридического и этнософского, мифологического.

В конкретных формах этнософского мышления на Алтае проявляются универсалии национальной культуры и задаются параметры современной национально-культурной идентичности жителей целого региона. Их исследование и оценка требуют особой «деликатности», поскольку в этнософии реализуются более «мягкие» критерии рациональности. В целом можно сказать, что большинство этнософских работ принадлежат к дорефлексивному типу мышления, служат примером мифологического мышления. В этнософии дается оживление, проживание современного мифа (исторического, национального), который во многом определяет не только содержание сознания его носителей, но и мотивацию их поведения. В классификации М. Вебера его стоит, пожалуй, отнести к ценностно-рациональному действию. Принцип целостности, взаимосвязанности человека с окружающим миром преобладает в алтайской этнософии, что делает ее созвучной основным интуициям русской философии. В то же время как разновидность мифологического

мышления этнософия космоцентрична. Она стремится к раскрытию и объяснению связей человека с космическими процессами, соотношенности культурно-идеологических и ментальных процессов со смысловой структурой Вселенной. Реальность этих структур дается че-

рез миф. Попытка продумать онтологию смысла в современной этнософии в качестве одного из своих последствий приводит к онтологическому обоснованию деонтологии и тем самым к противостоянию современному этическому релятивизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Jakobson, R.O.** N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes [Text] / R.O. Jakobson. – P., 1975.
2. **Herskovits, M.** Cultural Anthropology [Text] / M. Herskovits. – N. Y., 1955.
3. **Ванчугов, В.В.** Русская мысль в поисках «нового света»: «золотой век» американской философии в контексте российского самопознания [Текст] / В.В. Ванчугов. – М.: Уникум-Центр, 2000.
4. **Он же.** «Этнософия»: ретроспективный анализ в прагматическом аспекте будущего [Текст] / В.В. Ванчугов // Наука. Философия. Общество. Материалы V Рос. филос. конгр. – Т. II. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 514–515.
5. **Он же.** Всеединство в этнософическом аспекте: образы европейских народов в русской философской мысли [Текст] / В.В. Ванчугов // Соловьевские исследования. – Вып. 1 (25). – 2010. – С. 131–143.
6. **Эпштейн, М.Н.** Философия возможного [Текст] / М.Н. Эпштейн. – СПб., 2001.
7. **Он же.** Технософия и другие «софии» [Текст] / М.Н. Эпштейн // Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. – М., 2004.
8. **Арсеньев, В.Р.** Альтернативы будущего [Текст] / В.Р. Арсеньев. – СПб., 1996.
9. **Он же.** Манифест этнософии [Текст] / В.Р. Арсеньев // Общество. Среда. Развитие. – 2006. – № 1.
10. **Он же.** Основные понятия этнософии [Текст] / В.Р. Арсеньев // Манифестация: учеб.-теор. журн. «Ленингр. шк. африканистики». – 2006. – № 7 а.
11. **Он же.** Базовые понятия этнософии. Подступы к формированию мировоззренческой альтернативы [Текст] / В.Р. Арсеньев // Общество. Среда. Развитие. – 2008. – № 1.
12. **Он же.** Бамбара: люди в переходной экономике [Текст] / В.Р. Арсеньев. – СПб., 1997.
13. **Он же.** Бамбара: культурная среда и овеществленный мир западно-суданского этноса в коллекциях МАЭ РАН [Текст] / В.Р. Арсеньев. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2011. – 474 с.
14. **Попков, В.Ю.** Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства [Текст] / В.Ю. Попков, Е.А. Тюгашев. – Салехард; Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. – 376 с.
15. **Малинов, А.В.** Заметки о философии в Горном Алтае [Текст] / А.В. Малинов // Евразийцы. – № 5. – Горно-Алтайск, 2009.
16. **Он же.** Идеология и философия областничества [Текст] / А.В. Малинов. – СПб.: Интерсоцис, 2012. – 128 с.
17. **Он же.** Областничество в истории русской мысли [Текст] / А.В. Малинов // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 1 (66). – С. 41–52.

REFERENCES

1. **Jakobson R.O.** N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Paris, 1975.
2. **Herskovits M.** Cultural Anthropology. N. Y., 1955.
3. **Vanchugov V.V.** Russian thought in search of "new light", "golden age" of American philosophy in the context of Russia's self. Moscow, Unicum Center, 2000.
4. **Vanchugov V.V.** "Ethnosophy": a retrospective analysis of a pragmatic aspect of the future. *Science. Philosophy. Society*. Proceedings of the V Russian Congress of Philosophy. Vol. II. Novosibirsk, Parallel, 2009, pp. 514–515.
5. **Vanchugov V.V.** Unity in ethnosoficheskom aspect: Images of European people in the Russian philosophical thought. *Solovev's studys*. Iss. 1 (25), 2010, pp. 131–143.
6. **Epstein M.N.** Philosophy possible. St. Petersburg, 2001.
7. **Epstein M.N.** Tehnosofiya and other "sophia". *Blank characters: On the future of the humanities*. Moscow, 2004.
8. **Arsenyev V.R.** Alternatives to the future. St. Petersburg, 1996.
9. **Arsenyev V.R.** Manifest of ethnosophy. *Society. Environment. Development*, 2006, nr 1.
10. **Arsenyev V.R.** Basic concepts of ethnosophy. *Manifestation*. Educational and theoretical journal of "Leningrad school of African studies", nr 7 a. St. Petersburg, 2006.
11. **Arsenyev V.R.** Basic concepts ethnosophy. The approaches to the formation of an alternative world view. *Society. Environment. Development*, 2008, nr 1.
12. **Arsenyev V.R.** Bambara: people in transition economies. St. Petersburg, 1997.

13. **Arsenyev V.R.** Bambara: the cultural environment and the reified world of the Western Sudanese ethnic group in the collections of MAE RAS. St. Petersburg, MAE RAS, 2011, 474 p.

14. **Popkov V.Y., Tyugashev E.A.** The philosophy of the North: the autochthonous peoples of the North in the scenarios of the world order. Salekhard, Novosibirsk: Siberian Scientific Publ., 2006. 376 p.

15. **Malinov A.V.** Notes on philosophy in the Altai Mountains. *Eurasians*, nr 5. Gorno-Altaysk, 2009.

16. **Malinov A.V.** The ideology and philosophy of regionalism. St. Petersburg, Intersocis, 2012. 128 p.

17. **Malinov A.V.** Regionalism in the history of Russian thought. *J. of Sociology and Social Anthropology*, 2013, nr 1 (66), pp. 41–52.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; доктор философских наук.

Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
a.v.malinov@gmail.com

MALINOV Alexey V. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Grazdanskiy av., 28, St. Petersburg, 195220, Russia
a.v.malinov@gmail.com